
**МИССИОНЕРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ
НА НАЦИОНАЛЬНЫХ ОКРАИНАХ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
(НА ПРИМЕРЕ ТУРКЕСТАНА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX –
НАЧАЛА XX В.)**

И.В. Волков

Кафедра истории и культурологи
Кыргызско-Российский Славянский университет
ул. Киевская, 44, Бишкек, Кыргызстан, 720000

В статье анализируется миссионерская деятельность РПЦ в Туркестанском крае. Автор показывает, что православное миссионерство в регионе традиционного распространения ислама не поощрялось туркестанской военной администрацией (а негласно и тормозилось ею). Оно преимущественно было связано с обращением в христианство язычников, а число переходов в православие из иных религий было незначительным.

Ключевые слова: миссионерская деятельность, Русская Православная Церковь, туркестанская военная администрация, язычники, исламизация кочевников, миссионерский монастырь.

То, что любая религиозная конфессия в своей многообразной деятельности всегда придает важнейшее значение прозелитизму, можно считать аксиоматичным. Крестом и мечом, не гнушаясь любыми средствами, католицизм приобрел в эпоху позднего средневековья и нового времени сотни миллионов неофитов в странах Северной, Центральной и Южной Америки, Тропической Африки, Азии и др. регионах, считавшихся колониальными или зависимыми.

Сегодня прозелитическая активность многочисленных сект достигает большого размаха во многих государствах планеты, не исключая, разумеется, и России. Эта деятельность становится достаточно опасной для государств и народов. За счет прозелитизма ислам вышел за рамки Ближнего Востока и распространился по всему миру, вплоть до Индонезии и Филиппин.

Миссионерство изначально составляло один из важнейших сегментов в деятельности Русской Православной Церкви (РПЦ). Так, по данным Православного миссионерского общества, за 24 года его существования, с 1870 по 1893 г., было обращено в христианство из язычества и мусульманства 103 531 чел. Наибольшее количество просвещенных святым крещением было в Иркутской (38 965), Японской (18 257), Камчатской (15 752), Алтайской (10 896) и Енисейской (5848) миссиях (1).

Подобно другим конфессиям, миссионерство РПЦ преимущественно было связано с обращением в христианство язычников. Конечно, в России имели место переходы в православие из иных религий (например, евреев-иудеев), но численность такого рода неофитов была несопоставима с крещеными язычниками.

Безусловно, важнейшим направлением в миссионерской деятельности РПЦ была Сибирь, заселенная (кроме татар) адептами автохтонных культов – шаманизма, тотемизма, анимизма, магии и проч., выступавших в синкретной модификации. Как видно из вышеприведенных цифр, православным миссионерам удалось «отбить» у ислама в Сибири достаточно значительное число клеветов религии Пророка, но в основном потому, что большинство из них еще недавно сами были язычниками. Главным же «уловом» миссионеров РПЦ в Сибири были, конечно, бывшие адепты автохтонных культов.

Достаточно подробно эту проблему применительно к Западной Сибири исследовал В. Сафонов (2). В трех его объемных монографиях о миссионерской деятельности Русской Православной Церкви рассматривается и заявленный нами период: XIX – начало XX в. Характерно, что в Западной Сибири миссионерская деятельность велась по трем направлениям: среди мусульманского, языческого и старообрядческого населения.

Она осуществлялась в так называемый «синодальный» период, когда РПЦ после церковных преобразований Петра I лишилась института патриаршества и оказалась полностью под контролем государства, от имени которого ею руководил Святейший Правительствующий Синод, состоявший из архиереев, но возглавлявшийся гражданским чиновником. Поэтому миссионерская деятельность в Сибири проводилась непосредственно под контролем государства и являлась частью его национальной политики по вовлечению нерусской части населения в сферу русской (православной) культуры и общероссийского образа жизни.

В XIX в. коренные изменения в миссионерской деятельности были положены изданием 24 декабря 1828 г. Св. Синодом Указа «Об учреждении в Тобольской и Казанской епархиях миссионеров для обращения в православие иноверцев», который стал отправной точкой для последующей миссионерской деятельности на севере Западной Сибири.

Но их деятельность не отличалась большими успехами. Поэтому на фоне практически бесплодного прозелитизма обращает на себя внимание деятельность Алтайской миссии. Ее открытие состоялось 29 августа 1830 г., когда миссионер Макарий (Глухарев) «у самых врат Алтая» основал в с. Улале и с. Майме два больших миссионерских стана.

Главный смысл разработанной Макарием программы состоял в том, чтобы сделать «инородца» грамотным, приучить к культурному и более рентабельному способу ведения хозяйства. За всем этим, как он считал, должна

стоять фигура миссионера, который бы знал алтайский язык, основы естественных наук и медицины (3).

Пример создания и развития Алтайской миссии можно назвать едва ли не идеальным вариантом культурного воздействия русских миссионеров на представителей имперских окраин. Значителен их вклад в издательскую и переводческую деятельность, в дело изучения тюркоязычного населения края и установление с ним контактов.

Открытие религиозно-просветительских заведений и вовлечение в работу как аборигенов, так и русских переселенцев заставляют говорить о несомненных успехах православных алтайских миссионеров. Но их деятельность не стала примером для подражания в других регионах. Поэтому Алтайская миссия, на наш взгляд, скорее исключение, чем правило среди аналогичных учреждений «господствующей веры», которой РПЦ считалась по закону.

В 1882 г. со второй попытки (ранее вопрос поднимался в 1837 г.) Синод открыл, как филиал Алтайской миссии, так называемую «Киргизскую миссию». Это было связано с тем, что в том же году было образовано Степное генерал-губернаторство (во главе его встал бывший военный губернатор Семиреченской области, генерал-лейтенант Г.А. Колпаковский), включившее в себя и территории так называемой «Киргизской» (Казахской. – *И.В.*) степи (Акмолинская и Семипалатинская области).

Поскольку они были населены тюрками-казахами, то у нас есть все основания относить их к Туркестану («стране тюрков»). Именно здесь и работала вновь учрежденная миссия РПЦ. Ее обустройство заняло более года, и фактически она заработала только с 1884 г.

Обер-прокурор Св. Синода К.П. Победоносцев писал в своем ежегодном отчете, что за 1884 г. миссия обратила в православие только 13 «киргизов» (4) (тогда официально так назывались и казахи). Он полагал, что это следствие периода становления и далее все пойдет лучше. Однако его надежды не оправдались. В 1889 г. «Киргизская миссия» приобрела 23 неопита из числа казахов (5), а через десятилетие их число даже уменьшилось до 16 (6).

Вплоть до революции 1917 г. ежегодные плоды деятельности миссии колебались в пределах 15–20 чел. И они не могли быть другими, поскольку не кто иной, как российское правительство императрицы Екатерины II насильственно внедряло ислам среди номадов «Киргизской» степи.

Видный российский туркестановед, проф. П.П. Литвинов, писал о том, что Екатерина II «нашла необходимым споспешествовать исламизации кочевников. Она писала Оренбургскому генерал-губернатору, что строительство мечетей и мусульманских школ (мектебов) среди язычествующих казахов «весьма полезны и нужны. Снабдение разных родов киргизских муллами немалую пользу в наших делах принести может».

Для реализации своего курса на мусульманизацию кочевников Казахской степи российское правительство... выделило значительные средства, на которые содержался миссионерский «аппарат» (татары-мусульмане. – *И.В.*), строились школы, мечети, издавалась исламская литература и т.п. (7). Распространение ислама среди кочевников «Киргизской» степи поддерживалось и при преемниках Екатерины Великой.

Таким образом, царские власти не могли иметь серьезные результаты от пропаганды «господствующей веры» (православия) там, где еще недавно в течение более чем полувека они сами насильственно навязывали ислам.

Что касается Туркестанской области, образованной в феврале 1865 г., то до ее преобразования в 1867 г. в Туркестанское генерал-губернаторство (край), миссионерская деятельность среди местного мусульманского населения не велась, поскольку фактически все православные священники в ней были военными и подчинялись не Св. Синоду, а Главному священнику Армии и Флота.

С образованием Туркестанского края, включавшего в себя 2 области – Семиреченскую и Сыр-Дарьинскую (а с 1876 г. и Ферганскую), положение не изменилось, хотя здесь появились и епархиальные священники, подчиненные двум епархиям – Томской (Семиреченская область) и Оренбургской (Сыр-Дарьинская).

До учреждения Туркестанской и Ташкентской епархии в 1872 г. самым большим успехом РПЦ в Средней Азии было массовое крещение калмыков-буддистов и даур-солоньев, бежавших в 1860-х гг. на территорию Семиречья из пылавшего огнем мусульманского (антикитайского) восстания Восточного Туркестана (8).

19 октября 1867 г. Государь Император соизволил принять 283 семейства китайских эмигрантов в русское подданство и выделять ежегодно 920 руб. на содержание священника, церковного причта и учителя школы (9). За пять лет (с 1868 по 1871 г.) в Копальском уезде было окрещено 721 чел. из числа китайских эмигрантов (10).

Но учреждение самостоятельной православной епархии в Русском Туркестане не привело к расширению здесь миссионерской деятельности РПЦ. Отнюдь. Поскольку Туркестанское генерал-губернаторство подчинялось не МВД, а Военному министерству, то его власти в лице первого «Главного Начальника» (так именовали часто туркестанских генерал-губернаторов) края – генерал-адъютанта К.П. фон Кауфмана – сопротивлялись несколько лет учреждению православной епархии, а когда она все же была образована, то добились размещения епископа не в краевом центре (Ташкенте), а в «столице» Семиреченской области – г. Верном.

Кауфман писал в августе 1869 г. Обер-прокурору Св. Синода Д.А. Толстому: «Миссионерство наше здесь может идти не с крестом, а лишь с кни-

гой в руках... Только посредством школ... без всякого религиозного вмешательства мы можем надеяться ослабить мусульманство там, где оно дошло до фанатизма и не дойти до него там, где мусульманство мало окрепло, как, например, среди киргиз» (11).

Он считал, что «безумно раскладывать костры в соседстве с горючим материалом» (12). «Мы должны вводить в Туркестанском крае христианскую русскую цивилизацию, но не должны стараться предлагать туземному населению православной веры» (13).

Впрочем, и все преемники Кауфмана в должности туркестанского генерал-губернатора относились к местной епархии без должного пиетета и были противниками православного миссионерства в крае. Так, Туркестанский генерал-губернатор Духовской в письме от 15 сентября 1900 г. «О миссионерской деятельности» высказывал пожелание о том, чтобы она по прежнему не выходила за пределы Семиреченской области, инородное и иноверческое население которой «успело уже, если можно так выразиться, приспособиться и притерпеться к этой деятельности» (14).

Резолюция военного министра А.Н. Куропаткина характеризует позицию военного ведомства: «Прошу подробно рассмотреть. Опасаюсь, миссионерская деятельность при неумелости делателей принесет только вред и затруднит задачу администрации» (15).

Но некоторые руководители края, в частности военный губернатор Семиреченской области, генерал-майор Г.А. Колпаковский, считали, что среди кочевников как поверхностно верующих мусульман (сохранивших много реликтов доисламского язычества) можно распространять православие, поддерживая при этом неофитов властью и деньгами.

П.П. Литвинов писал, что эти попытки имели весьма скромные результаты. И это было обусловлено той политикой исламизации номадов «Киргизской» степи, которую проводила Екатерина II и ее преемники, что усилило мусульманскую самоидентификацию кочевников. Понимая это, Кауфман указывал, что «при всем кажущемся безразличии кочевников к исламу «мировоззрение у них мусульманское и... трогать их верование безнаказанно нельзя, как у настоящих, истых мусульман» (16).

Св. Синод с помощью Православного миссионерского общества, в которое входили многие высшие лица в стране, в том числе и члены «августейшей фамилии», пытался неоднократно навязать в Туркестанском крае подобие «Киргизской миссии», но не имел успеха – Кауфман был личным фаворитом императора Александра II и всесильного военного министра Д.А. Милютина.

Таким образом, при Кауфмане православный прозелитизм среди мусульманского населения (независимо от уклада жизни – номадизма или оседлости) был негласно «зажат», поскольку открыто власти Туркестанского края не могли его запретить, так как ст. 4 «Основных законов Российской

империи» разрешала православие, как государственной религии, ведение миссионерской деятельности.

После того как Кауфмана в марте 1881 г. поразил «удар», «и.о.» туркестанского генерал-губернатора Г.А. Колпаковский (уже генерал-лейтенант) быстро пошел навстречу Св. Синоду и епископу Туркестанскому и Ташкентскому Александру, выдвинувшему в июне 1881 г. идею организации в крае православного миссионерского мужского монастыря. Свой замысел он изложил в подробной записке: «Религиозно-нравственное состояние инородцев Туркестанского края и необходимость учреждения для них православной миссии» (17).

В феврале 1882 г. военный губернатор Семиреченской области приказал «нарезать» будущему монастырю 500 дес. земли, в мае 1882 г. епископ Александр лично освятил место, отведенное под устройство обители. Поскольку эта церемония проходила на «троицыной неделе», то и монастырь получил название «Свято-Троицкого».

Священный Синод определил отпустить на устройство миссионерского монастыря 5000 руб. безвозвратно и сверх того выдать ПМО ссуду 20 000 руб. за счет капитала на распространение православия в империи.

Центром миссионерского дела в Русском Туркестане монастырь так и не стал. И не только из-за того, что после ухода Колпаковского в Степное генерал-губернаторство ни один из «Главных начальников» Туркестанского края, разделяя мнение Кауфмана о православном прозелитизме в регионе традиционного распространения ислама, не уделял обители должного внимания.

Главная причина была в том, что вся назначаемая в монастырь братия, не исключая и настоятеля, были люди без всякого образования, малограмотные. При таком составе нечего было и думать о выполнении монастырем миссионерской задачи.

К тому же, по свидетельству газеты «Туркестанские ведомости» – официоза краевых властей, «во все времена существования монастыря он служил местом заточения для провинившихся духовных лиц» (18). «Туркестанская духовная консистория направляла сюда для исполнения «епитимьи» в основном священнослужителей, злоупотреблявших алкоголем» (19). Поэтому не удивительно, что в Иссык-Кульской школе в 1914 г. было всего 22 учащихся, в то время как, например, в миссионерской школе в Сарканской станице обучалось 106 детей (20).

Естественно, что в разных местах Русского Туркестана православным священникам удавалось в тех или иных случаях «присоединить» к православию отдельных лиц из числа не только христианских конфессий (католиков, лютеран, армяно-григориан, баптистов и т.п.), но и из исламской. Однако это были единичные успехи, не отражавшие никаких серьезных тенденций.

Тем не менее представляет интерес случай с крещением малолетней дочери губернского секретаря – Мукарамы Ишаевой. Окрещена она была 1 мая 1916 г. на монастырском хуторе в 25 верстах от Ташкента в возрасте 13 лет 7 месяцев и 5 дней без согласия родителей (до достижения 14-летнего возраста на это нужно было письменное согласие родителей или опекунов. Изъятия допускались только с разрешения Св. Синода). По данному случаю от двух депутатов Государственной Думы были поданы жалобы на имя Председателя Совета министров и начальника Главного штаба, в которых излагались требования немедленно расследовать дело, привлечь к ответственности виновных и освободить «заключенную в монастырь девочку». Члены Думы указывали, «что если состоится крещение, то такой факт может послужить к крайне нежелательному обострению отношений местного мусульманского населения, чутко реагирующего на подобные случаи» (21).

Однако к моменту начала разбирательства крещение уже состоялось, а к завершению Мукараме исполнилось 14 лет. Преосвященный Туркестанский признал его вполне законным, а участников – разумными исполнителями своего долга (благочинного пожарили за то, что перед крещением он определил возраст «на глазок», со слов девицы). Никакого раздражающего впечатления на местное магометанское население этот факт не произвел.

Туркестанская администрация восприняла этот факт абсолютно спокойно. Генерал-губернатор Ф.В. Мартсон на запрос благочинного о предстоящем крещении отвечал, что «никаких препятствий к совершению таинства Крещения над девицей Ишаевой он не имеет, и просил лишь об одном, чтобы по условиям края и при наличии родителей в городе обряд крещения был совершен не в Ташкенте, а вне него» (22).

Таким образом, православное миссионерство в Русском Туркестане в целом не имело успеха. И главная причина этого заключалась даже не в том, что оно не поощрялось (а негласно тормозилось) военными властями края, не желавшими из-за «попов» обострять отношения с местными мусульманами, прежде всего его духовенством – «улемой», а в том, что в регионе имелись сильные в вере пророка этносы (например, узбеки, таджики, дунгане, уйгуры и др.), агрессивно воспринимавшие любое христианство.

Кроме того, кочевники только казались «слабыми» в вере мусульманами. На самом деле они тоже издавна идентифицировали себя как исламиты. Понятно, что в таких условиях православное миссионерство не могло иметь никакого серьезного успеха и в «Киргизской» степи, и в Русском Туркестане.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Православный благовестник. – 1895. – № 2. – С. 77.
- (2) См.: *Софронов В.Ю.* Три века сибирского миссионерства. – Тобольск, 2005. – Ч. 1: Миссионерская и духовно-просветительская деятельность РПЦ в Западной Сибири (конец XVII – начало XX вв.); Ч. 2: Миссионерская деятельность РПЦ. – Ч. 3: Духовно-просветительская деятельность РПЦ: Монографии.
- (3) См.: Туркестанские епархиальные ведомости. – 1881 – № 5.
- (4) Всеподданнейший отчет Ober-Прокурора Святейшего Синода К. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1884 год. – СПб, 1886. – С. 139.
- (5) Всеподданнейший отчет Ober-Прокурора Святейшего Синода К. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1888–1889 годы. – СПб, 1891. – С. 221.
- (6) Всеподданнейший отчет Ober-Прокурора Святейшего Синода К. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1899 год. – СПб, 1902. – С. 69.
- (7) *Литвинов П.П.* Государство и ислам в Русском Туркестане. 1865–1917 (По архивным материалам). – Елец, 1998. – С. 153.
- (8) См.: *Остроумов Н.П.* Китайские эмигранты в Семиреченской области Туркестанского края и распространение среди них православного христианства. – Казань, 1879.
- (9) Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). – Ф. 400. – Оп. 1. – Д. 224. – Л. 1.
- (10) Туркестанские ведомости. – 1873. – № 21.
- (11) *Литвинов П.П.* Неисламские религии Средней Азии (вторая половина XIX – начало XX вв.). – Елец, 1996. – С. 127.
- (12) Туркестанские епархиальные ведомости. – 1908. 15 сентября. – № 18.
- (13) *Остроумов Н.П.* Константин Петрович фон-Кауфман устроитель Туркестанского края. Личные воспоминания (1877–1881 гг.). – Ташкент, 1899. – С. 43, 44.
- (14) Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). – Ф. 400. – Оп. 1. – Д. 2689. – Л. 4.
- (15) РГВИА. – Ф. 400. – Оп. 1. – Д. 2689. – Л. 1.
- (16) *Литвинов П.П.* Государство и ислам в Русском Туркестане... – С. 154.
- (17) См.: Православный благовестник. – 1893. – № 20. – С. 4–18.
- (18) Туркестанские ведомости. – 1893. – № 82.
- (19) *Литвинов П.П.* Неисламские религии Средней Азии... – С. 45.
- (20) Православный благовестник. – 1915. – Апрель. – С. 252, 254.
- (21) РГВИА. – Ф. 400. – Оп. 1. – Д. 4564. – Л. 2.
- (22) РГВИА. – Ф. 400. – Оп. 1. – Д. 4564. – Л. 18 об.

**MISSIONARY ACTIVITY OF THE ORTHODOX CHURCH
AT THE NATIONAL OUTSKIRTS OF THE RUSSIAN EMPIRE
(TURKESTAN EXAMPLE OF THE SECOND HALF OF THE XIX –
EARLY 20th CENTURIES)**

I.V. Volkov

Department of the History and History of Culture
Kyrgyz-Russian Slavic University
Kievskaya Str., 44, Bishkek, Kyrgyzstan, 720000

The article analyses missionary activity of the Russian Orthodox Church in the Turkestan region. The author shows that Orthodox missionary in the region of traditional Islam expansion was not supported by the Turkestan military administration (secretly it was even procrastinated by the administration). Mainly Orthodox missionary was aimed at turning pagans to Christians; the number of neophytes was not significant.

Key words: missionary activity, Russian Orthodox Church, Turkestan military administration, pagans, islamization of nomads, missionary church.